

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 277–284
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 277–284
©Автор(ы) 2016

СТЕФАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ – ПОСЛЕДНИЙ СХОЛАРХ

Н.Н. Болгов*, А.М. Болгова**

* *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgov@bsu.edu.ru*

** *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород,
bolgova@bsu.edu.ru*

Аннотация. В работе предпринята попытка дать общий очерк места и роли Стефана Александрийского в истории позднеантичной школы и учености, по всей видимости, последнего схоларха Александрийской философской школы VII в. Этот ученый и писатель отличился в целом ряде областей знания, оставив сочинения по философии, медицине, астрономии, астрологии, алхимии, а также несохранившиеся по математике, музыке, риторике, грамматике. Главное призвание Стефана было, видимо, в преподавании. Две основные его научные ипостаси – философ и медик. Последний отрезок жизни он провел в Константинополе в качестве общественного преподавателя по распоряжению императора Ираклия. Авторы делают вывод о том, что Стефан Александрийский был одной из ключевых фигур культуры и мысли заключительной части поздней античности (2 половина VI – начало VII вв.). Несколько эклектичный и широкий характер научных и преподавательских интересов Стефана Александрийского можно объяснить общей медиевализацией знания накануне Средневековья. Обучение в высших школах приобретало все более элементарный характер, а глубина преподавания сокращалась. По всей видимости, Стефан

Болгов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Болгова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

был последним известным нам главой Александрийской философской школы неоплатонизма. Современная наука очень мало интересовалась наследием Стефана Александрийского. Нет полного научного издания всех его сочинений, а в отечественной науке он вообще не привлек никакого внимания специалистов. Перед исследователями стоит задача актуализации наследия позднеантичного ученого и преподавателя, всестороннее изучение его места и роли в культуре Ранней Византии.

Ключевые слова: школа, преподавание, философия, Стефан Александрийский, схолярх, Александрия, Константинополь

Стефан Александрийский – одна из ключевых фигур культуры и мысли «поздней Поздней античности» (late Late Antiquity), философ, врач, математик, алхимик и астролог. Родился, скорее всего, в Афинах между 550 и 555 гг., умер в Константинополе (?) после 620 г. В. Вольска-Конюс¹ считает, что он является тем же лицом, что и ученый Стефан Афинский.

Карьера. Его преподавательская деятельность в Александрии засвидетельствована Иоанном Мосхом (PG 87.3: 2929D). Стефан учил в Александрии с последнего десятилетия VI в.

Стефан – представитель Александрийской философской школы², один из образованнейших людей своего времени, обладавший обширными познаниями в области философии, риторики, грамматики, медицины, а также алхимии и астрологии. Предполагают, что он был учеником неизвестного александрийского математика Олимпиодора. Он был близок к кружку Иоанна Филопона.

Рукописи называют его φιλόσοφος, или μέγας φιλόσοφος и οἰκουμηνικός, или καθολικός διδάσκαλος, один раз -- οἰκουμηνικός φιλόσοφος.

Это, вероятно, тот самый Στέφανος ὁ Μαθηματικός, о котором Vita Basilii (Th. Cont., 338, l. 10–12) говорит, что он составил гороскоп Ираклия и предсказал, что тот погибнет от воды.

Он преподавал, с одной стороны, философию Аристотеля и Платона, а с другой – арифметику, геометрию, астрономию, музыку, медицину. П. Лемерль задается вопросом, не составляет ли это почти полную учебную программу высшей школы того времени. И в какой мере она соотносится с реальностью?³

Возможно, Стефан был не просто преподавателем, а одним из последних до арабов главой Александрийской философской школы, схолярхом.

На протяжении всего позднеантичного периода устойчивый поток христианских студентов тек в языческие философские и риторические школы, чтобы получить высшее образование. Сохранение этих студентов привело к тому, что они заставили александрийский христианский высший слой непосредственно участвовать снова в языческих школах. В то время как церковь и христианские интеллектуалы обратили свое внимание в эту сторону, религиозное содержание александрийского языческого учения было еще более подчеркнуто.

Христиане ответили на это, создав схоластическую группу *philoponoi* (филопонов, «трудолюбив»), посвященную восстановлению институциональных связей между языческой философской школой и христианской духовной культурой.

¹ Wolska-Conus 1989, 5–89.

² Watts 2006, 257–261.

³ Лемерль 2012, 114–116.

Были также предприняты усилия по реформированию философской учебной программы таким образом, чтобы это было бы удобнее для потребностей христиан. Несмотря на враждебность, которую этот процесс породил со стороны некоторых кругов церкви, александрийские языческие учителя поняли, что большое количество христианских студентов посещали их занятия. Все больше наиболее разумных среди них признавали, что эта реальность не изменится и что она лучше всего послужит адаптации старого к новому. В то же время обычные христиане, с их долгой историей взаимодействия с языческими учителями, были готовы принять реформированное языческое учение в городе. Следовательно, запрос населения на закрытие языческих школ был невелик.

Империя еще оставалась обществом, в котором традиционная культура ценилась до тех пор, пока она активно не противодействовала местным христианским нормам. Преподаватели, которые понимали это и делали свою деятельность, не угрожая христианам в их городе, процветали. Крайние язычники и христиане, которые нападали на умеренность этих людей, не достигли успеха.

К концу VI в. обучение в Александрийской школе принимало все более элементарный характер. Школа была христианизирована, и в ней изучение Аристотеля все больше распространялось за счет изучения Платона.

Стефан учил в Александрии приблизительно до 610 или 618 г., когда он был призван императором Ираклием (610–641) на должность общественного преподавателя в Константинополь⁴, для обучения философии и предметам квадривиума (геометрии, астрономии, арифметике и музыке). Эта гипотеза была отвергнута Х.-Г. Беком, но с 1970-х гг. нашла новых сторонников и ныне стала общепринятой.

Стефан был назначен «вселенским учителем» (οἰκουμηνικός διδάσκαλος). В Царском портике ученый читал лекции о Платоне и Аристотеле, преподавал в учебных заведениях Константинополя. Главным из них была, видимо, Императорская академия.

Почему Стефан Александрийский назван οἰκουμηνικός διδάσκαλος и где именно он давал свои уроки в столице? Одни считают, что он преподавал прежде всего в патриаршей Академии, которую патриарх Сергий якобы основал вместо закрытого Фокой Университета, затем вновь открытого Ираклием. Другие полагают, что он преподавал одновременно философию и в Императорском Университете (или Базилике), и в патриаршей Школе, которая будто бы обозначается выражением οἰκουμηνικὸν διδασκαλεῖον⁵.

На самом деле нет никакого основания не верить в то, что основное высшее образование в столице продолжало даваться в светских рамках Императорского Университета. Ф. Фюхс⁶ делает Стефана главой экуменического (патриаршего) дидаскалейона, так как одна рукопись называет его хартофилаксом, но эта должность прямо не связана с образованием. Должность же «вселенского учителя» зафиксирована уже в V в. в Беритской школе права и означает «преподаватель в системе высшего образования». Связь между званием «вселенского учителя» и

⁴ Westerink 1990/XL; Лемерль 2012, 114.

⁵ Schemmel 1912, 9–10.

⁶ Fuchs 1926, 14–15.

церковной иерархией, на вершине которой находится вселенский патриарх, ошибочна, как и идея о том, что при Ираклии патриарх возглавил университет⁷.

Сочинения. Список работ Стефана все еще точно не установлен. Большинство его сочинений не имеют научного комментированного издания.

Считается, что он как *философ* написал комментарии к нескольким трактатам Аристотеля (наиболее важный – «Об истолковании»), к «Введению» Порфирия. Р. Ванкур считает, что приписываемый Иоанну Филопону комментарий к сочинению Аристотеля «О душе» принадлежит Стефану Александрийскому⁸, но это мнение не получило широкой поддержки.

Его главными сохранившимися произведениями считают обычно *медицинские* сочинения – комментарии к «Прогностикону»⁹ и к «Афоризмам» Гиппократов, а также к «Терапевтике» Галена (в названии которых Стефан именуется Афинянином)¹⁰. В качестве врача он написал также трактат о воздействии лекарств на больных лихорадкой. Комментарии Стефана были предназначены для того, чтобы просветить студентов в теории, что является основой для медицинской практики гиппократовой фармацевтической традиции. В области медицины Стефан Александрийский (Афинский) был учеником Феофила Протоспафария¹¹. В ряду ранневизантийских медиков Стефан занимает важное место в непрерывном ряду, идущем от Орибасия (IV в.). Также, наряду с Феофилом, точные даты жизни которого неизвестны, он замыкает этот непрерывный ряд на VII столетии.

В соавторстве с императором он написал комментарии к *астрономическому* комментарию-трактату Феона Александрийского «Объяснение метода удобных таблиц Феона посредством индивидуальных приемов» (по хронологии и церковному календарю). К астрономическим трудам относится также комментарий к сочинениям Птолемея, приписываемый Иоанну Цецу, в действительности же принадлежащий Стефану¹².

Неаутентичен *астрологический* трактат (очевидно, 775 г.) с гороскопом, якобы предсказывающий судьбу династии Мухаммада и будущее Византии: «Эти люди [сарацины] изгонят ромеев из Сирии ... завоюют Киликию, опустошат всю Каппадокию, ибо такова позиция Марса. Однако они не разрушат само Ромейское царство, ибо таково положение Солнца и потому что Марс стоит в небе выше прочих планет. Но всё же Марс закатывается, он в созвездии Рака, и поэтому сарацины унижат народ Марса. А поскольку Марс находится в середине небосвода, царства народов, находящихся под этим знаком – ромеи, тюрки, хазары, болгары и им подобные – устоят навсегда». Примечательно, что язычество тюрков, хазар и болгар астролога не беспокоило – важнее, что они под Марсом. Экумена – это по-прежнему старая добрая античная «вселенная», место, где живут вменяемые люди, в отличие от окружающего пространства. Это «Астрологическое предсказание»¹³ написано, вероятно, около 775 г., но приписывается Стефану. Аутентичных астрологических сочинений Стефана не сохранилось.

⁷ Лемерль 2012, 122.

⁸ Vancourt 1941.

⁹ Stephanus the Philosopher 1983.

¹⁰ Stephanus of Athens 1985.

¹¹ Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus 1834.

¹² Browning 1965, 262f.

¹³ Usener 1880, 17–32.

Сохранились свидетельства о том, что Стефан Александрийский разрабатывал общие теоретические положения *алхимии*, которые он изложил в девяти лекциях («Девять уроков химии») и в трактате «Об изготовлении золота», в основу которого была положена концепция о циклическом движении Солнца, Луны и планет вокруг Земли. Несмотря на заглавие, в ней нельзя найти сведений о наилучшем способе его производства. Это сочинение Стефана, хорошо знакомого с философией Платона и Пифагора, но тем не менее бывшего христианским мистиком, являет собой переходное звено от древней алхимии к средневековой. Приписывание Стефану нескольких других алхимических работ, сохранившихся под его именем, весьма спорно¹⁴.

Хотя у Стефана было прозвище Математик и известность в качестве такового, его специальных *математических* работ до нас не дошло, как и сочинений по *музыке, риторике и грамматике*.

Единственной значительной специальной работой, посвященной Стефану, остается диссертация Х. Узенера. В ней изданы два трактата (рукописи – cod. Laurent. gr. XXVIII, 14 (XIV в.): *ἀποτελεσματικὴ πρᾶξις* с предсказанием будущего династии Мухаммада, который ложно приписывается Стефану и на самом деле является гораздо более поздним произведением, и астрономический трактат-комментарий по хронологии и церковному календарю, который, по-видимому, принадлежит ему, хотя некоторые части Узенер приписывает самому императору Ираклию. Кедрин (Cedr., I. 717) сообщает нам, что «на 12-м году (царствования Ираклия), от сотворения мира 6131-м, 3 сентября, в среду, был составлен *θεμῆτιον τῶν Σαρακηνῶν* Стефаном Александрийским», который сделал вывод, что их владычество будет процветать в течение 309 лет и т.п.; но 3 сентября 622 г. выпадает на пятницу, а на среду оно попадает в 621 г. (который тоже, и даже скорее, может считаться 12-м годом царствования Ираклия): отсюда исправление года от сотворения мира с 6131-го на 6130-й, предложенное Узенером.

В своих комментариях к Аристотелю Стефан безусловно следовал христианскому преподаванию и признавал авторитет Библии (Ps.-Philoponus = Stephan. De anima 527. 29–32; 547.11–14). В то же время он также подтвердил представление Аристотеля о вечности мира (De anima 540.27), существовании пятого элемента Аристотеля (De anima 448. 6–7) и другие ключевые доктрины, которые лежат в основе учения традиционной платонической философской системы. Л. Вестеринк подметил, что лучший путь соединения христианства Стефана с исповедуемой им доктриной есть понимание того, что, в отличие от Иоанна Филопона, Стефан был частью системы классического философского образования.

Как «официальный представитель» классической философии, Стефан не мог критиковать ее¹⁵. В Стефане, как видно, сочетались языческая доктрина и филопоновские устремления. Он был христианским схолярхом, который, тем не менее, учил философии традиционным способом. Это было возможно потому, что обращение Стефана в христианство превратило его в защитника вечного мира, безобидного для христиан¹⁶. Следует помнить, что оппозиция филопонов заключалась

¹⁴ Византийский словарь 2011. 2, 345.

¹⁵ Westerink 1990/XL.

¹⁶ Стефаново учение об этом частично известно в свете его возобновляемых апокалиптических страхов, что христиане захватили все вокруг в VII веке. Об этих страхах см.: Theophyl. Simocat. Hist.

в попытке отвращения христиан-студентов от обращения в язычество при обучении в философской школе. Когда эта доктрина исходила от схоласта, который публично декларировал свое христианство в своих сочинениях, это не должно было вызывать серьезного беспокойства. Философских пуристов (и язычников, которые сохранились) приверженность Стефана традиционным интерпретациям одинаково обнадеживала. Очевидно, что его публичная защита христианства никоим образом не мешала ему обучать классическим философским доктринам. В конце концов, этот языческо-христианский конфликт, в который было вовлечено так много людей, стал причиной написания такого количества текстов и, разрушив так много судеб и карьер, со временем просто растаял, улетучился. На своем уникальном пути Стефан мирно осуществлял христианизированное философское обучение.

Как учитель, который смог успешно понять потребности своего города и мирно реализовать как языческие, так и христианские надежды на философское обучение, Стефан – и его карьера – иллюстрирует основополагающие тренды эпохи. В то же время Стефан приводит нас в эпоху, когда напряженность, воодушевлявшая этот нарратив, становится больше не актуальной. В VII веке локальные конфликты по поводу роли языческих учителей в значительной степени прошли. Оставалось буквально несколько таких учителей, и даже меньше, кто еще учил христианских студентов. Это «медленное увядание в ненужности» представляет печальный момент финала языческой интеллектуальной культуры¹⁷.

По мнению А.Ф. Лосева, «Стефан Византийский»¹⁸ является малоизвестным, имевшим, вероятно, не очень большое значение и совершенно до сих пор не изученным автором. Но он достоин упоминания потому, что это был последний александрийский комментатор Платона и Аристотеля¹⁹.

В многотомном и весьма подробном сочинении А.Ф. Лосева Стефану нашлось место в объеме лишь одного абзаца. Это досадно, так как Стефан явно достоин лучшей участи в историографии, особенно на фоне весьма подробного анализа неоплатонизма в той же «Истории античной эстетики». Возможно, ее автор считал Стефана скорее аристотеликом, нежели неоплатоником.

П. Лемерль назвал Стефана олицетворением переходного периода и «загадочной личностью», чье изучение должно быть предпринято заново и в ком сошлись странные противоречия: он полностью принимает авторитет христианских догматов и Библии, но в то же время сохраняет старые убеждения относительно вечности мира, предсуществования души и т.д., не пытаясь их примирить²⁰.

В любом случае, Стефан фактически завершил собой ряд схоластов Александрийской классической философской школы и тем самым достоин более пристального изучения и специального современного исследования. Подобно «последним римлянам» или «последним эллинам», его можно назвать «последним схоластом» – преподавателем (главой) высшей школы, классической античной по происхождению содержанию и христианизированной по руководству и задачам.

5.15.3–4; Magdalino 1993, 18–19.

¹⁷ Watts 2006, 261.

¹⁸ Так у автора. Очевидно, что речь идет о Стефане Александрийском. Стефан Византийский – грамматик из Константинополя эпохи Юстиниана, автор словаря «Этника».

¹⁹ Лосев 1992, 1, 46.

²⁰ Лемерль 2012, 313.

Его нарочитая научная эклектика (философ, врач, математик, астроном, астролог, алхимик, а также преподаватель музыки, риторики и грамматики) вполне элиминируется тем, что все вышеназванное он в первую очередь преподавал, а не разрабатывал теоретически. Поэтому не глубина научного поиска, а гибкость и разносторонность в целях адаптивного преподавания делают Стефана Александрийского одной из наиболее крупных фигур ранневизантийской высшей школы конца VI–VII вв. Завершение его карьеры в столице и приглашение туда от лица самого императора говорят здесь о многом.

Для этого периода сопоставимой фигуры того же масштаба мы не знаем. Поэтому в плане изучения культурного континуитета между античностью и средневековьем такая компилятивно-схоластическая ученость в канун «Темных веков», когда активно шла медиевализация картины мира и знания, вызывает неподдельный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

- Лемерль, П. 2012: *Первый византийский гуманизм*. СПб.
- Лосев А.Ф. 1992: *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. Кн. 1. М.
- Филатов, К.А. 2011: *Византийский словарь*. Т.2. СПб.
- Browning, R. 1965: Stephanos. *Classical Review* 15, 262–269.
- Fuchs, F. 1926: *Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter*. Leipzig.
- Magdalino, P. 1993: The History of the Future and Its Uses: Prophecy, Policy, and Propaganda. In: R. Beaton, C. Roueche (eds.), *The Making of Byzantine History: Studies Dedicated to Donald M. Nicol*. Aldershot.
- Schemmel, F. 1912: *Die Hochschule von Konstantinopel vom V. bis IX. Jahrhundert*. Berlin.
- Usener, H. 1880: *De Stephano Alexandrino. Stephani Alexandrini quod fertur opusculum apotelesmaticum, Index scholarum in universitate Fredericia Guilelmia Rhenana per menses hibernos anni 1879–1880*. Bonnae.
- Vancourt, R. 1941: *Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristotle, l'ecole d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrine*. Lille.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.
- Westerink, L.G. 1990: *Prolegomenes a la philosophie de Platon*. Paris.
- Wolska-Conus, W. 1989: Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. In: *Revue des études byzantines* 47, 5–89.

REFERENCES

- Browning, R. 1965: Stephanos. *Classical Review* 15, 262–269.
- Filatov, K.A. 2011: *Vizantijskij slovar'*. Т.2. Saint-Petersburg.
- Fuchs, F. 1926: *Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter*. Leipzig.
- Lemerl', P. 2012: *Pervyj vizantijskij gumanizm*. Saint-Petersburg.
- Losev A.F. 1992: *Istoriya antichnoj ehstetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya*. Кн. 1. Moscow.
- Magdalino, P. 1993: The History of the Future and Its Uses: Prophecy, Policy, and Propaganda. In: R. Beaton, C. Roueche (eds.), *The Making of Byzantine History: Studies Dedicated to Donald M. Nicol*. Aldershot.
- Schemmel, F. 1912: *Die Hochschule von Konstantinopel vom V. bis IX. Jahrhundert*. Berlin.
- Usener, H. 1880: *De Stephano Alexandrino. Stephani Alexandrini quod fertur opusculum apotelesmaticum, Index scholarum in universitate Fredericia Guilelmia Rhenana per menses hibernos anni 1879–1880*. Bonnae.

- Vancourt, R. 1941: *Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristotle, l'école d'Olympiodore, Etienne d'Alexandrine*. Lille.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley - Los Angeles.
- Westerink, L.G. 1990: *Prolegomenes a la philosophie de Platon*. Paris.
- Wolska-Conus, W. 1989: Stéphanos d'Athènes et Stéphanos d'Alexandrie. In: *Revue des études byzantines* 47, 5–89.

STEPHANOS OF ALEXANDRIA – THE LAST SCHOLARCH

Nikolay N. Bolgov*, Anna M. Bolgova**

* *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgov@bsu.edu.ru

** *Belgorod State National Research University, Russia,*
bolgova@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with an attempt to give a general outline of the place and the role of Stephanos of Alexandria in the history of late antique school and learning, most likely, of the last scholarch of the Alexandria philosophical school of the 7th century is made. This distinguished scholar and writer excelled in a number of areas of knowledge, leaving works on philosophy, medicine, astronomy, astrology, alchemy. Unfortunately his works in mathematics, music, rhetoric, grammar did not remain. Stephanos's main mission was, apparently, teaching. His two basic scientific alter egos were a philosopher and a medical man. The last part of his life he spent in Constantinople as a public teacher, by order of Emperor Heraclius. The authors conclude that Stephanos of Alexandria was one of the key figures of culture and thought the final part of the Late Antiquity (2nd half of the 6th – early 7th centuries AD.). Slightly eclectic and broad scientific nature of research and teaching interests of Stephen of Alexandria can be explained by the general medievalizing of knowledge on the eve of the Middle Ages. Education in high schools gained more and more elementary character, and depth of teaching was reduced. Apparently, Stephanos was known to us as the last head of the Alexandrian neo-Platonic school of philosophy. Modern science has very little interest in the legacy of Stephanos of Alexandria. There is no full scientific publication of his writings, and in domestic science, he has never attracted any professional attention. The researchers are faced with the challenge of updating the heritage of the late antique scholar and teacher, a comprehensive study of its place and role in the culture of the early Byzantine Empire.

Key words: school, teaching, philosophy, Stephanos of Alexandria, scholarch, Alexandria, Constantinople

---
